

А.С.ГРИН

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Александр Грин
Судьба, взятая за рога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271082

Аннотация

Ослепший от молнии герой неудачно стреляется и...
прозревает.

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	7
III	9

Александр Степанович Грин Судьба, взятая за рога

I

В декабре месяце луна две ночи подряд была окружена двойным оранжевым ореолом, – явление, сопутствующее сильным морозам. Действительно, мороз установился такой, что слепец Рен то и дело снимал с замерзших ресниц густой иней. Рен ничего не видел, но иней мешал привычке мигать – что, будучи теперь единственной жизнью глаз, несколько рассеивало тяжелое угнетение.

Рен и его приятель Сеймур ехали в санях по реке, направляясь от железнодорожной станции к городку Б., лежащему в устье реки, при впадении ее в море. Жена Рена, приехав в Б., ожидала мужа, уведомленного телеграммой. Съехаться здесь они условились полгода назад, когда Рен не был еще слепым и отправлялся в геологическую экскурсию без всяких предчувствий.

– Нам осталось три километра, – сказал Сеймур, растирая изгрызенную морозом щеку.

– Не следовало мне вовлекать вас в эту поездку, – сказал

Рен, – вот уж, подлинно, слепой эгоизм с моей стороны. В конце концов, я мог бы великолепно ехать один.

– Да, зрячий, – возразил Сеймур. – Я должен доставить вас и сдать с рук на руки. К тому же...

Он хотел сказать, что ему приятна эта прогулка в пышных снегах, но вспомнив, что такое замечание относилось к зрению, промолчал.

Снежный пейзаж, действительно, производил сильное впечатление. Белые равнины, в голубом свете луны, под черным небом – холодно, по-зимнему, звездным, молчащим небом; неотстающая черная тень лошади, прыгающая под ее брюхом, и ясная кривая горизонта давали что-то от вечности.

Боязнь показаться подозрительным «как все слепые» помешала Рену спросить о недоговоренном. Недалекая встреча с женой сильно волновала его, поглощая почти все его мысли и толкая говорить о том, что неотвратимо.

– Лучше, если бы я умер на месте в эту минуту, – искренно сказал он, заканчивая печальным выводом цепь соображений и упреков себе. – Подумайте, Сеймур, каково будет ей?! Молодая, совсем молодая женщина и траурный, слепой муж! Я знаю, начнутся заботы... А жизнь превратится в сплошной подвиг самоотречения. Хуже всего – привычка. Я могу привыкнуть к этому, убедиться, в конце концов, что так нужно, чтобы молодое существо жило только ради удобств калеки.

– Вы клевете на жену, Рен, – воскликнул не совсем на-

турально Сеймур, – разве она будет думать так, как сейчас вы?!

– Нет, но она будет чувствовать себя не совсем хорошо. Я знаю, – прибавил, помолчав, Рен, – что я, рано или поздно, буду ей в тягость... только едва ли она сознается перед собой в этом...

– Вы делаетесь опасным маньяком, – шутливо перебил Сеймур. – Если бы она не знала, что стряслось с вами, я допустил бы не совсем приятные первую, вторую неделю.

Рен промолчал. Его жена не знала, что он слеп; он не писал ей об этом.

II

В середине июля, исследуя пустынную горную реку, Рен был застигнут грозой. Он и его спутники торопились к палатке, шел проливной дождь; окрестность, в темном плаще грозовой тени, казалась миром, для которого навсегда погасло солнце; тяжкая пальба грома взрывала тучи огненными кустами молний; мгновенные, сверкающие разветвления их падали в лес. Меж небесными вспышками и громовыми раскатами почти не было пауз. Молнии блистали так часто, что деревья, непрерывно выхватываемые из сумрака резким их блеском, казалось, скачут и исчезают.

Рен не запомнил и не мог запомнить тот удар молнии в дерево, после которого дерево и он свалились на небольшом расстоянии друг от друга. Он очнулся в глубокой тьме, слепой, с обожженными плечом и голенью. Сознание слепоты утвердилось только на третий день. Рен упорно боролся с ним, пугаясь той безнадежности, к которой вело это окончательное убеждение в слепоте. Врачи усердно и бесполезно возились с ним: той нервной слепоты, которая поразила Рена, им не удалось излечить; все же они оставили ему некоторую надежду на то, что он может выздороветь, что зрительный аппарат цел и лишь остановился в действии, как механизм, обладающий для работы всеми необходимыми частями. Написать жене о том, что произошло, было выше сил

Рена, отчаявшись в докторах, он упрямо, сосредоточенно, страстно ждал – как приговоренный к смерти ожидает помилования – ждал света. Но свет не загорался. Рен ожидал чуда; в его положении чудо было столь же естественной необходимостью, как для нас вера в свои силы или способности. Единственное, в чем изменились его письма к жене – это в том, что они были написаны на машинке. Однако ко дню встречи он приготовил решение, характерное живучестью человеческих надежд: убить себя в самый последний момент, когда не будет уже никаких сомнений, что удар судьбы не пощадит и Анну, когда она будет стоять перед ним, а он ее не увидит. Это было пределом.

III

Когда Рен приехал, вошел в комнату, где скоро должен был зазвучать голос Анны, еще не вернувшейся из магазина, и наступила тишина одинокого размышления, слепой упал духом. Небывалое волнение овладело им. Тоска, страх, горе убивали его. Он не видел Анну семь месяцев; вернее, последний раз он видел ее семь месяцев назад и более увидеть не мог. Отныне, даже если бы он остался жить, ему оставалось лишь воспоминание о чертах лица Анны, ее улыбке и выражении глаз, воспоминание, вероятно, делающееся все более смутным, изменчивым, в то время, как тот же голос, те же слова, та же ясность прикосновения близкого существа будут твердить, что и наружность этого существа та же, какой он ее забыл или почти забыл.

Он так ясно представил себе все это, угрожающее ему, если он не разmozжит себе череп и не избавится от слепоты, что не захотел даже подвергнуть себя последнему допросу относительно твердости своего решения. Смерть улыбалась ему. Но мучительное желание увидеть Анну вызвало на его глаза тяжкие слезы, скупые слезы мужчины сломленного, почти добитого. Он спрашивал себя, что мешает ему, не дожидаясь первого, еще веселого для нее, поцелуя – теперь же пустить в дело револьвер? Ни он и никто другой не мог бы ответить на это. Может быть, последний ужас выстрела на глазах Ан-

ны притягивал его необъяснимой, но несомненной властью пристального взгляда змеи.

Звонок в прихожей всколыхнул все существо Рена. Он встал, ноги его подкашивались. Всем напряжением воли, всей тоской непроницаемой тьмы, окружавшей его, он усиливался различить хоть что-либо среди зловещего мрака. Увы! Только огненные искры, следствие сильного прилива крови к мозгу, бороздили этот свирепый мрак отчаяния. Анна вошла; он совсем близко услышал ее шаги, звучащие теперь иначе, чем тогда, когда он видел, как она двигается: звук шагов раздавался как бы на одном месте и очень громко.

– Дорогой мой, – сказала Анна, – милый мой, дорогой мой!

Ничего не произошло. Он по-прежнему не видел ее. Рен сунул руку в карман.

– Анна! – хрипло сказал он, отводя пальцем предохранитель. – Я ослеп, я больше не хочу жить. Сеймур все расскажет... Прости!

Руки его тряслись. Он выстрелил в висок, но не совсем точно; пуля разбила надбровную дугу и ударилась в карниз окна. Рен потерял равновесие и упал. Падая, он увидел свою, как бы плавающую в густом тумане, руку с револьвером.

Анна, беспорядочно суетясь и вскрикивая, склонилась над мужем. Он увидел и ее, но также смутно, а затем и комнату, но как бы в китайском рисунке, без перспективы. Именно то, что он увидел, лишило его сознания, а не боль и не

предполагавшаяся близкая смерть. Но во всем этом, в силу потрясающей неожиданности, не было для него теперь ни страха, ни радости. Он успел только сказать: «Кажется, все обошлось...» – и впал в бесчувствие.

– Это было полезное нервное потрясение, – сказал через неделю доктор Рену, ходившему с огромным рубцом над глазом. – Пожалуй, только оно и могло вернуть вам то, что дорого для всех, – свет.